

117
30.01.37
28.01.37

97
127

Степурин

ОЧНАЯ СТАВКА

мешаду

Е. РАДЕК и БУХАРИНЫМ, Н.И.

Цикла 10

13 февраля 1937г.

ЕЖОВ: - Вы на следствии дали показания о своей связи с БУХАРИНЫМ и о существовавшем контакте у троцкистов с правыми.

Вы подтверждаете Ваши показания?

РАДЕК: - Подтверждаю полностью.

ЕЖОВ: - Изложите здесь кратко Ваши показания.

~~СНИЖАЮЩИЙ РАБОТУ РАДКА~~
~~СНИЖАЮЩИЙ РАБОТУ РАДКА~~

РАДЕК. Весною 1934 года, когда Бухарин был назначен редактором "Известий", пришел ко мне Мрачковский и сказал, что с переходом Бухарина из Наркомтяжпрома в "Известия" связь, которую имел Пятаков с Бухариным должна будет перейти ко мне. Я спросил его: "В чем же связь должна состоять?" Он объяснил мне, что отношения пока что ^{должны быть} ~~были~~ отношения взаимной информации, ^а не взаимных еще действий - таких еще не было. "Ты должен быть в курсе их установок, давать Бухарину объяснения насчет наших установок, ежели понадобится согласовывать действия, будешь информировать членов центра".

Я не спешил с установлением этих связей именно потому, что с приходом Бухарина к нам в редакцию начались у нас споры в редакции о направлении газеты, довольно острые.

Летом 1934 года Бухарин, пришедши ко мне сказал, что "это совершенно сумасшедшее положение, что мы еще друг с другом склоку устраиваем при нашем взаимном положении". Я спросил - "в чем дело?" Он начал разговор. Я спросил его в чем состоит это сумасшедшее положение. Тогда он расшифровал и сказал: "Твое положение в центре троцкистско-зиновьевского блока и мое положение в центре правых". Ну, вопрос был поставлен прямо, мы с ним прямо ^и поговорили.

Я был вообще плохо информирован о предыдущей работе центра, ^о контакте с правыми я вообще узнал в сентябре 1933 года, когда пришла инструкция Троцкого об установлении этого

контакта. Я также спросил ^{об этом} Мрачковского, который приезжал осенью, он мне сказал. Пятаков в декабре 1933 года на квартире у Фушмана на ужине говорил со мною. У меня с ним был полутораминутный разговор, где он говорил, что у него есть контакт. Но в чем состоит работа, я не знал, поэтому я спросил Бухарина подробнее. Он мне не дал никакой информации в смысле организационной схемы, названия лиц, сказал, что "установки у нас те, что у вас, установки на террор". Я еще переспросил его насчет вредительства, потому что это самая ошеломляющая вещь.

БУХАРИН. Для чего все это нужно делать?

РАДЕК. Я тебе после скажу. Я знал уже об этом вредительстве год после того, как я был в блоке, поэтому я и спросил у Вас. Должен сказать, что он плохо относился к этой вещи - к вредительству.

ВОРОШИЛОВ. Плохо относился к вредительству, а к террору положительно?

РАДЕК. Да.

БУХАРИН. Поэтому Рыков назвал меня диверсантом.

РАДЕК. К ~~вредительству~~ ^{террору} он относился также положительно, как положительно относились к этому делу и троцкисты, и зиновьевцы. Вот насчет вредительства троцкистов и зиновьевцев, которые тоже плохо к нему относились, но все же приказы в отношении вредительства выполняли и вели вредительскую работу. Это были сомнения, но человек шел и делал.

Он мне не рассказывал никаких подробностей, что он делает и как я узнал лишь после, работа начала только разворачиваться.

Насчет людей сказал, назвал три фамилии руководящих работников, ~~кроме~~ ^{кроме} своей: Рыкова, Угланова, Томского. Рассказывал не истории, что был большой перерыв у них после ареста Слепкова, Марецкого и т.д.

Я со своей стороны его информировал, но так как он до этого был в контакте с Пятаковым, то то, что он мог ^{мне} сказать, я уже знал.

Е Ж О В. Бухарин, встречались ли Вы за это время с Радеком?

БУХАРИН. Встречался.

Е Ж О В. Были ли у вас разногласия в работе о направлении "Известий"?

БУХАРИН. Были.

Е Ж О В. В чем они выражались?

БУХАРИН. У нас тогда были такие разногласия. Вопрос казался бы второстепенный, это вопрос относительно иллюстрационной стороны газеты, относительно образа газеты.

Я, как всем известно стоял за то, чтобы в газете принимал участие возможно более широкий круг писателей. Опирался я здесь на указание тов. Сталина.

СТАЛИН. Ты в ЦК ничего не говорил о разногласиях.

БУХАРИН. Я об этом не говорил. Но когда Вы меня назначали в "Известия", то мне сказали; самое опасное, если бы ты вздумал перелевить. Я считал, что необходимо максимально усилить культурную сторону газеты, снабжать газету иллюстрациями, привлекать по возможности больше художников и т.д.

ЕЖОВ. Значит здесь Радек правду говорит?

БУХАРИН. Я не считал это политическими разногласиями.

Е Ж О В. После этого установился контакт?

БУХАРИН. Контакт в том смысле, что мы вместе работали, но целый ряд недоразумений возникал постоянно.

Е Ж О В. Теперь, пожалуйста, по существу показаний этого периода.

БУХАРИН. Все, что говорит Радек - это абсолютно злостная клевета. Ни единого разговора относительно организации правых, ни единого разговора о терроре абсолютно не было. Повторяю ни единого, ни малейшего звука не было произнесено по этому поводу. Было следующее, что Радек обсуждал вместе со мной целый ряд партийных вопросов большого политического характера. Он говорил прежде всего относительно партийного руководства, что руководство партийное исключительное, что роль Сталина чрезвычайно велика, что Сталин есть десяток гарантий нашей победы. Он говорил также о том, что некоторые старые большевики (это в связи с ликвидацией об-ва большевиков) до сих пор не понимают, что необходимо всемерно поддерживать его как единоличного репрезентанта единой воли, тем более что перед лицом военной опасности необходимо поддерживать всячески этот авторитет.

Он неоднократно говорил относительно того, что Сталин дает ему разные директивы по поводу всевозможных внешне-политических вещей. Он говорил, что его страшно беспокоит вопрос о сохранности Сталина, о том, что опасность может появиться с другого конца.

Он говорил, что его страшно беспокоит то обстоятельство, что в ГПУ работают многочисленные поляки, которые раньше сво-

дили фракционные счеты между собой, а теперь, возможно, что там сидят агенты дифензивы. Он говорил о том, что все, что делается в ГПУ, очень быстро становится известным в польской дифензиве, что издана была какая-то книга, где говорилось относительно какого то собрания на квартире Уншлихта и т.д. Затем он говорил, что неоднократно предупреждал относительно этих опасностей, рассказывал (это уже было после убийства Сергея Мироновича)...

Е Ж О В. Мы к этому периоду вернемся.

БУХАРИН. Если хотите, суммарно, можно сказать так, что существо всех разговоров Радека заключалось в том, что он по-настоящему подходит ко всем вопросам, что он настоящий партиец, нештемпелеванный человек. Я с ним соглашался и мы вместе обсуждали эти проблемы.

Как же я мог видеть, чтонибудь другое, когда Радек рассказывал, что сын его жены предупреждал насчет Мандельштама. Радек говорил, что его беспокоит то обстоятельство, что на военных заказах сидит Лугановский.

ВОРОШИЛОВ. Лугановский.

РАДЕК. Это правда.

БУХАРИН. Если это правда, для чего нужно было все это рассказывать в таком виде и разыгрывать передо мной роль ультра-партийного человека. Я прошу прощения, Николай Иванович, но об этом хочу рассказать.

Поймите мое положение: я долгое время не имел возможности и счастья ни с кем из вас говорить по целому ряду вопросов. У меня была потребность говорить с человеком моего культурно-политического уровня. Мы с Радеком и обсуж-

дали эти вопросы, но ни одного единственного раза мы не обсуждали тех вещей, о которых он сейчас говорит. Поймите, чего мне стоит сдержаться, чтобы не реагировать на это по другому.

Е Ж О В. Отрицаете это?

БУХАРИН. Конечно, да.

РАДЕК. Могу я ответить на это?

Е Ж О В. Пожалуйста.

РАДЕК. Дело в том, что мое отношение к руководству было очень сходное с тем, о котором говорит Бухарин. Я пришел в ~~этот момент~~ в 1932 году, в момент, когда все утверждали, что наступление идет чрезвычайно широким фронтом, кончится крахом и необходимо ^{в организации} втянуться в ~~это дело~~ под углом зрения борьбы за власть в партии. Через год я понял, что не туда попал. Но террористическая организация - это не клуб, в который вошел сегодня и завтра можешь выйти.

~~Вот и получилась такая чертовщина.~~ Когда мы теряли связи друг с другом, проходили месяцы, мы работали и хотели забыть это. Тогда, именно в эти моменты, мы вели человеческие разговоры, но после нас ставили перед новыми фактами. Надо было решиться - пойти в ЦК и выдать всех людей. Моя бесхарактерность не позволила мне этого сделать. Я надеялся на то, что дело распутается. В разговорах с Бухариным после убийства Кирова, он - Бухарин, не говоря этого полными словами, давал понять, что с этим делом надо каким нибудь образом кончать. Поэтому были моменты, когда мы снова возвращались к этим вопросам и забывали, кто мы такие.

СТАЛИН. Раздвоение.

РАДЕК. Да, получалось раздвоение. Отношение к Сталину было какое то двойное. Разве Пятаков не понимал, на что мы идем? А с другой стороны, Бухарин (он этого не будет отрицать) постоянно жаловался на положение письмоводителя. И я это говорил и это нас связывало и толкало на борьбу.

То, что говорит Бухарин, не есть опровержение. Бухарин мне был ближе, чем другие люди и я тянулся к нему, тоже из-за одиночества. Если бы мы вели с ним только партийные разговоры, я не сидел бы здесь, как обвиняемый. Бухарин должен об"яснить, почему, какой может быть мотив для того, чтобы я его оговаривал.

~~Бухарин~~ и. Мы были близкими людьми в течение 20 лет. Спрашивается, что я выигрываю политически, если обвиняю Бухарина?

Наконец, об аппарате ГПУ. Мы оба относились к нему с сугубым недоверием.

МОЛОТОВ. К какому аппарату?

РАДЕК. К ГПУ, с убеждением, когда шли процессы, что этот аппарат может подстроить всякие вещи. Бухарин рассказывал, что во время борьбы с правыми, ему были пред"явлены показания Рамзина и профессора Кондратьева о том, что он с ними вел разговоры о совместном правительстве.

БУХАРИН. О Кондратьеве никто мне не говорил.

РАДЕК. Что когда в 1929 году он обратился к Менжинскому и спросил, как можно было допустить такое свинство, Менжинский заплакал и сказал: ты меня не спрашивай.

Я сидел теперь в этом аппарате ГПУ. Должен сказать, что никто меня физически не принуждал к тому, что я должен пока-

зять. Никто мне ничем не угрожал раньше, чем я дал показания. Мне тов. Берман сказал: я вам не заявляю, что будете расстреляны если будете отказываться. Я вам не заявляю, что не будете расстреляны, если дадите показания, которые мы считаем правильными. Кроме того, я довольно взрослый человек, чтобы не верить никаким обещаниям, если человек находится в тюрьме.

Если бы я руководствовался соображениями личного характера, то Бухарин должен сказать: "Радек борется за голову и поэтому дает показания, которых от него требовали". Я голову списал, так что об этом говорить нечего. Товарищи засвидетельствуют, что для меня это было самым трудным. Дал я эти показания ~~задолго~~ после того, как о себе говорил. Причина, почему оттягивал, была та же самая, почему оттягивал показания о себе. Сел целый ряд людей, в отношении которых я был убежден, что они менее виновны, чем я. Считал необходимым дать им время, пусть сами сложат оружие. И о Бухарине я думал, будет арестован, пусть сам скажет, как я сказал.

Не мог сразу выпутаться из всей этой чертовщины и был убежден, что дело кончится арестом и что придет время, когда все будет раскрыто. ~~Сначала не ориентировался на отрицательное значение этой вещи в процессе и т.д.~~

~~После этого сказал себе:~~ всякое отрицание этой вещи на суде послужит только к укреплению, ^{террору и организации} поэтому надо ликвидировать дело, и в первую очередь потому, что идет война. И тогда сказал себе, что никакая дружба не позволяет скрывать, что кроме зиновьевско-троцкистской организации остается еще организация. ^{и др.} Я был убежден, что Бухарин не будет дальше бороться. Но я не мог

говорить о всей организации, не говоря о Бухарине.

Вот причины того разнобоя, который происходил у меня, ~~преступные шари, непонимание целого ряда вещей.~~

Поэтому, все то, что я показал на следствии, подтверждаю перед вами. Если бы я мог надеяться на то, что то, что я сказал, я сам опровергнул, я бы в первую очередь использовал тот факт, что говорю здесь с членами Политбюро, а не следственными органами. То, что сказал о себе и о Бухарине подтверждаю перед вами и буду подтверждать на суде, если понадобится.

СТАЛИН. Ваши показания от декабря 1936 года вы помните?

РАДЕК. Я показания свои помню, так как они не выдуманы. Спросите меня, я Вам отвечу.

СТАЛИН. Вы, в этих показаниях излагаете несколько ваших встреч с Бухариным в 1934 году, когда Бухарин, как вы сообщаете, сказал о перспективе поражения СССР в войне, о блоке с правыми и о том, что поражение — это лучшая обстановка для прихода к власти. Все это добровольно вами сказано?

РАДЕК. Да, совершенно добровольно. Я не буду ручаться за то, что он сказал — лучшая обстановка. Но он сказал в этом смысле, реальная обстановка. ✓

СТАЛИН. Бухарин вам ответил, что целый ряд организаций правых... (читает). Подтверждаете это?

РАДЕК. Я это подтверждаю.

Е Ж О В. (Обращаясь к Радеку). В 1934 году у вас на квартире в присутствии Мрачковского был разговор о терроре?

РАДЕК. Был. Мрачковский всегда осенью, примерно, два

раза в год приезжал и заходил ко мне.

Е Ж О В. Вы это подтверждаете?

РАДЕК. Да.

Е Ж О В. Бухарин, вы были на квартире Радека в присутствии Мрачковского?

БУХАРИН. Был.

Е Ж О В. Разговор был?

БУХАРИН. Нет, абсолютно не было. Мрачковский пробор-мotal всего навсего два слова. Я прочитал Радеку статью. Мрачковский сразу же ушел и Радек заметил, зачем Роза - его жена пропустила Мрачковского и попросил его никогда больше не пускать. Все время, которое я провел у Радека, это было всего несколько минут, заключалось в том, что я прочитал статью, которую принес к Радеку, как члену редакционной комиссии.

ВОРОШИЛОВ. Мрачковский был уже там?

БУХАРИН. Я не знал, что это Мрачковский, я его не узнал даже. Потом дело было так, как я только что рассказал. Никакого разговора между нами абсолютно не было.

Е Ж О В. Обвиняемый Радек!

РАДЕК. Подтверждаю. Бухарин пришел в момент, когда между мной и Мрачковским шел, (со стороны Мрачковского), раздраженный разговор. Я рассказал Мрачковскому, что Зиновьев, когда он был назначен в редакцию "Большевика" пришел ко мне и начал меня прощупывать. Чтобы это могло означать? Не означает ли это, что Сталин хочет все живые силы собрать? Не надо ли повременить с этими террористическими актами после возвращения Зиновьева из ссылки.

Я, который был в тех же самых настроениях, за это зацепился и его на это подбивал. Мрачковский указывал, что на него есть нажим со стороны Бакаева и других. Мрачковский начал ругаться: свяжись с вами, литераторами, сразу начинаются недомолвки.

В этот момент пришел Бухарин. Я ему рассказал о разговоре с Мрачковским.

ВОРОШИЛОВ. Бухарину?

РАДЕК. Да. Мрачковский спросил: у вас тоже начались сомнения?

БУХАРИН. Не понимаю, для чего нужно все это придумывать и врать?

РАДЕК. Бухарин, я также ~~сам~~ кричал, когда Сокольников и Путьна на очной ставке обо мне говорили и придя к себе в камеру сказал: самые большие подлецы.

Бухарин Мрачковскому на это не высказал конкретно своей точки зрения, как видно избегал это сделать. И Мрачковский начал его допрашивать: скажите, что у вас есть, какие группы действуют. Бухарин ему на это ответил: "пока что мы не сомневаемся. Будешь у нас главнокомандующим, так тебе все расскажут."

Встреча эта не была сговорена и здесь Бухарин прав. Бухарин прав также в следующем: я действительно сказал жене, что когда ко мне приходят, говори, что меня нет дома. Она не имела никакого понятия о существовании моих отношений с Мрачковским, так как знала, что он сидит в Средней Азии. ^{Он} приехал в Москву и зашел ко мне. Она его поэтому и пропустила.

Е Ж О В. Бухарин отрицает это?

БУХАРИН. Разумеется отрицаю.

Я хочу ответить по всем пунктам, потому что здесь затронуты весьма важные моменты.

СТАЛИН. У нас не дискуссия здесь.

Е Ж О В. По конкретным фактам у вас есть замечания?

БУХАРИН. Я категорически отрицаю то, что говорит Радек. Радек говорит о том, что я к диверсии относился отрицательно. С другой стороны, он говорил, что Рыков называл меня диверсантом. Я будто бы выполнял приказы. От кого я получал приказы?

РАДЕК. Мы решали большинством.

БУХАРИН. Это очень существенный момент всего дела. Он говорит, что я относился отрицательно к диверсии, но тем не менее выполнял приказы. Скажите, чьи я приказы выполнял?

РАДЕК. Что ты ребенка из себя разыгрываешь!

БУХАРИН. Я прошу обратить на это внимание. Это крайне существенный момент.

СТАЛИН. У нас здесь не судебное разбирательство, а очная ставка. Он утверждает, ты отрицаешь.

БУХАРИН. Да, но у него получается прореха во всем построении, будто я не сочувствовал этой тактике, но в то же время ей подчинялся.

СТАЛИН. Мы знаем, что целый ряд троцкистов были против вредительства, но проводили его.

БУХАРИН. Если предположить, что у нас была какая то организация, что я отрицаю, что мы стоваривались с Рыковым и Томским, что я также отрицаю, скажите, пожалуйста, если бы у нас действительно была тройка или четверка, что же я не

имел своего мнения и был изнасилован Томским на диверсию? Выполнял приказы Томского?

МОЛОТОВ. Оттенки могли быть.

СТАЛИН. У нас внутрипартийной демократии "нет", может быть у вас она была.

Е Ж О В. (Обращаясь к Радеку). После убийства тов. Кирова, вы в своих показаниях говорите о том, что два-три раза обсуждали с Бухариным вопрос об отношении к террору?

РАДЕК. Первые дни после убийства мы не выходили из редакции. У Бухарина постоянно была вся редакция, так что никаких разговоров мы вести не могли. Кроме фамилии Николаева, мы ничего не знали. Затем из Ленинграда позвонил наш корреспондент, что этот Николаев член партии.

На 2-3-й день после убийства, ночью, я говорю Бухарину: ясно, что это дело не личное и дело не иностранной разведки, а дело оппозиционных террористических групп. Мы употребляли это выражение. Он говорит: ясно, что это троцкисты, зиновьевцы или правые сделали.

Мне был задан на следствии вопрос, почему я это скрывал, если знал об этом. Я действительно несу полную политическую и юридическую ответственность за это, потому что знал о линии на террор, о том, что есть группа в Питере, которая направляет работу против Кирова, но совсем не был в курсе того, когда готовится это, в какое время и т.д. Я знал о том, что есть линия на террор, но организация террористов была в руках Дрейцера и Рейнгольда, под командованием Мрачковского.

Бухарин был этим очень потрясен, характеризовал Кирова.

ВОРОШИЛОВ. Как характеризовал Кирова?

РАДЕК. Очень хорошо. Мы вернулись в кратком разговоре к итогам этого уже после похорон. Открыто мы не сообщали друг другу своих взглядов, ибо в результате всей этой чертовщины никто друг другу до конца не доверял. Но оба пришли к такому выводу: страна сплочена вокруг ЦК, никакой паники, вся головка будет арестована и поэтому или люди должны идти вперед и организовать капитальный удар по всей верхушке или это надо ликвидировать.

Я не буду говорить о своей точке зрения, она не есть предмет очной ставки. Я должен только засвидетельствовать, что Бухарин не говорил об этом членораздельно, но я вынес убеждение, что он считает необходимым с этим делом покончить, порвать. Через несколько дней, повидавшись с другими, он сказал, что нельзя отступать перед первой неудачей, что надо кончать с партизанщиной. Я не спрашивал, почему он изменил свое мнение. Это были разговоры в связи с убийством Кирова.

Е Ж О В. Бухарин, вы отрицаете это?

БУХАРИН. Конечно, отрицаю. Я в пояснение хочу сказать, что этот пункт целиком разоблачает Радека. Радек говорит, что на 4-й день после убийства я хорошо отзывался о Кирове и говорил относительно того, что это совершенно, возможно, правыми, потому что я не знал ни фамилии Николаев, ни то, что Николаев зиновьевец. Все это абсолютно неправдоподобно.

МОЛОТОВ. Почему бы тебе защищать правых?

БУХАРИН. На второй день после убийства Кирова, я вместе с Мехлисом был вызван в Политбюро и тов. Сталин мне ска-

зал, что Киров убит зиновьевцем Николаевым. Я узнал об этом и после этого говорил Радеку.

Е Ж О В. Это было на второй день?

СТАЛИН. На второй день нас не было в Москве. Пробили мы вне Москвы 4 или 5 дней и потом вернулись. Это было скорее всего на 8-й день.

БУХАРИН. Я может быть ошибаюсь насчет дней, но Радек говорит о том, что мы неоднократно обсуждали это.

Е Ж О В. Вы отрицаете это?

БУХАРИН. Отрицаю.

Е Ж О В. Вы были вызваны на заседание Политбюро на 7-8 день, а говорили с ним на второй день после убийства. Правда, и тогда эти предположения высказывались, но следствие не дало еще окончательных результатов.

БУХАРИН. Возможно, я спутал эти дни. Я вам говорю, что через некоторое время я знал, кто такой Николаев, слышал это от тов. Сталина. Но эти разговоры абсолютно отрицаю.

Е Ж О В. Радек в своих показаниях говорит, что летом 1935 года на дачу к нему приехал немецкий атташе Баум и еще другой немец. Вы подтверждаете это? ✓

БУХАРИН. Был случай, но не такой. Были не два немца, а три. Я действительно сидел у Радека на даче. К нему приехали три человека. Он мне сказал: вот приехали настоящие фашистские профессора. Помню, что один был молодой, бело-брысый, другой пожилой...

Е Ж О В. Значит вы не отрицаете этого?

БУХАРИН. Н е т.

РАДЕК. По моему у меня были два человека, я точно

не помню. Знаю я только одного Баума. Так как я не хотел вести никаких разговоров, я принял их в штыки. Немцы увидели, что над ними издеваются. Бухарин им рассказывал о расовой теории. Я сказал, что считаю еврейскую расу самой лучшей, а вы считаете самой лучшей немецкую. Когда они уехали, я сказал Бухарину, что этот человек проводил зондаш, существует ли связь между Троцким и его людьми. Так как этот человек не мог добиться свидания со мной, потому что я его не принимал, он взял и нахрапом приехал. Я счел нужным увильнуть от разговора.

Бухарин сказал, что я правильно поступил и что если мы будем у власти, надо идти на уступки, чтобы избежать войны. Нечего сейчас путаться с этим делом и хорошо ты сделал, что послал их к чорту.

Первый из немцев был Баум, как я уже сказал, а второй советник президента Восточной Пруссии Коха. Бухарин не слышал первой части нашего разговора, когда я вышел к автомобилю. Я ему об этом позже рассказал.

Е Ж О В. Бухарин, вы отрицаете?

БУХАРИН. Да. Я ушел раньше, а эти три немца остались у Радека. Я был не одет и мне нужно было идти домой. О расовой теории я говорил потому, что Радек представил мне их как профессоров и я счел нужным поддержать теоретический разговор. После этого я ушел, а они остались, при чем к этому вопросу мы уже никогда не возвращались.

МОЛОТОВ. А почему Бухарин умолчал об этом разговоре, происходившем у Радека и ничего никому не сказал. Это очень странно и подозрительно.

ВОРОШИЛОВ. Неужели ты считаешь нормальным, что какие то немцы приехали к Радеку...

БУХАРИН. Да почему же нет? Радек разговаривал с иностранцами очень часто. Я сам присутствовал у него во время приема, на котором был Буллит. Он с иностранцами разговаривал двадцать тысяч раз, на всех приемах можно было поговорить о чем угодно.

МОЛОТОВ. Да ведь это фашистские профессора?

БУХАРИН. Но я этого не знал. Он сказал: вот интересные типы, настоящие фашистские профессора, чистой фашистской крови. Тебе интересно будет с ними поговорить. При чем это была постоянная радековская функция. Кроме того, имейте ввиду, что это было сравнительно давно.

МОЛОТОВ. И ты ни разу никому не сказал, что там был Баум из германского посольства?

БУХАРИН. Баума я встречал и после этого несколько раз на приемах, а Буллит...

Е Ж О В. О Буллите мы не говорим сейчас.

БУХАРИН. Я не представлял это себе как какую то экстравагантную вещь, потому что Радек очень часто и много разговаривал с иностранцами. Я отрицаю, что Радек сообщал мне, что либо о политических вещах, касающихся каких то иксов, игреков и проч.

Е Ж О В. Радек подтверждает?

РАДЕК. Бухарин прав в том отношении, что я как внешний очень много вращался в кругу иностранцев. Вполне возможно, что Бухарин, зная мои связи с иностранцами, не считал эти разговоры подозрительными. Но я утверждаю, что после

*и я Бухарину рассказывал сущность моих критических
разговоров с ним*
этого мы не раз возвращались к этому разговору. Я не буду
ручаться за то, что Бухарин не вышел от меня раньше. Разговор
между нами мог происходить через два часа. Я не могу вспом-
нить, кто подавал завтрак, была ли дома моя жена. А она могла
при этом быть, потому что разговор шел в таких тонах, что кро-
ме того, что ругают фашистов, она ничего бы не поняла, или
была домашняя работница. Не утверждаю и не буду брать на се-
бя ответственности заявить, что Бухарин оставался до конца.
После этого мы два раза говорили на эту тему. Один раз кон-
кретно об этом Бауме, а позже вернулись к этой теме, при
чем Бухарин говорил больше, чем я, оценивая положение у нас,
в связи с тем же Баумом. Один разговор происходил в тот же
день, другой через несколько дней.

СТАЛИН. Вы говорите, что Бухарин считал платформу Рю-
тина правой платформой, что он с ней был знаком?

РАДЕК. Он мне не говорил, что он читал эту платформу,
а в разговоре сказал так: вот, например, рютинцы провалились
со своей платформой, выдали себя за дикую группу и скрыли,
что они в нашей организации.

Я сам рютинскую платформу никогда не читал, знал о ней
только по газетам.

СТАЛИН. Но Бухарин считал, что это есть платформа
группы правых?

РАДЕК. Да.

БУХАРИН. Этот разговор, как Радек утверждает, происхо-
дил наедине. Между тем, когда Радек говорил относительно это-
го разговора...

СТАЛИН. Какого разговора?

БУХАРИН. Разговора, во время которого он говорил якобы о рютинской платформе. Тогда я был не один, со мной была моя жена. Этот разговор происходил на Сходне. Весь разговор, который был тогда, можно возобновить в памяти.

РАДЕК. В присутствии твоей жены мы говорили как партийцы, а без нее ~~могли вести~~ ^{были} другой разговор.

БУХАРИН. В показаниях Радека этот разговор как раз отнесен к тому разговору, когда я был не один. И он на этом разговоре здорово засыпается. Он пишет, что разговор этот происходил один на один, а на самом деле это было не так.

РАДЕК. Бухарин пришел ко мне на квартиру со своей женой.

ВОРОШИЛОВ. Когда это было?

РАДЕК. Если я не ошибаюсь, это было уже после сообщения прокуратуры.

ВОРОШИЛОВ. В 1936 году.

РАДЕК. Так как я свою жену не втягивал в это дело и старался это делать по отношению к его жене, то после первых слов, которые были произнесены, я сказал его жене, что моя жена готовит ужин, не хотите ли вы ей помочь. Мы остались вдвоем и в очень скорых темпах поговорили: как ты оцениваешь заявление прокуратуры.

БУХАРИН. Это очень важно.

РАДЕК. Он считал, что дело почти улажено.

СТАЛИН. Относительно сообщения прокуратуры о Бухарине?

РАДЕК. Да. Он считал, что Цейтлин не подвел, рютинцы не выдали, аресты не коснулись правых.

СТАЛИН. Центра правых?

РАДЕК. Он сказал: в данный момент не коснулись правых. Я ему сказал, что хотя тебя с личным не взяли, но ответственности это с тебя не снимает. Конечно, это не был получасовой разговор, потому что в соседней комнате звенели посудой и мы поговорили на эту тему 5-6 минут. Я считал, что дело идет к арестам.

БУХАРИН. Это было совершенно не так. Дело было вот каким образом. Радек через домашнюю работницу просил меня зайти к нему. Я сказал, если он хочет, пусть сам заходит. Тогда он, если не ошибаюсь, известил меня по телефону, что чувствует себя плохо и просил зайти. Так как это было через день после сообщения прокуратуры, я решил к нему пойти, взял Анюту и мы пришли на квартиру к Радеку. При ней он спрашивал: ну, что, каковы юридические основания, со времен Бекария таких деяний не существует. *Я сам утверждал, что не идею и* ~~Я стал утверждать, что ты идешь по~~ *другой линии* другой линии.

После этого к нему пришла его приятельница Барская и он сказал: ну, женщины, удалитесь. Он сказал мне далее, что в сегодняшнем номере "Правды" есть статья, не поместили ли ее для того, чтобы сказать также о покушении на Молотова. Это я связываю с мыслью о том, что он говорил: какие сволочи Зиновьев и Каменев, как распределили объекты покушения, стараясь указать на разногласия в Политбюро.

После этого пришла Анюта и мы пошли домой. Никаких разговоров относительно Слепкова, Рютина, Марецкого абсолютно не было. Когда вышла эта Барская, разговор происходил при закрытых дверях.

РАДЕК. Часть правды в этом есть.

БУХАРИН. Когда я вернулся из Азии, он мне сказал: Николай, если хочешь заходи, а не хочешь не надо. Затем передал записку: "поцелуй Надю и Нюсю, дай тебе бог перенести эту тяжесть и приходи на партийное собрание в "Известия".

Я уже сказал, как он характеризовал Каменева и Зиновьева, как они распределили объекты покушения.

РАДЕК. Это правда, я это говорил.

Е Ж О В. (К Бухарину). Ты сваливаешь все на другое.

БУХАРИН. Ничего я не сваливаю, я отвечаю по существу о том, что за закрытой дверью он мне сказал совсем другое.

Е Ж О В. Какой смысл был выгонять женщин?

БУХАРИН. Потому что он не хотел таких вещей о Молотове и статье в "Правде" говорить при сравнительно посторонних людях. Разговор происходил в течение 5 минут. Я просил, чтобы Анну Михайловну разрешили привести сюда, потому что она присутствовала при этом разговоре и может рассказать. Он прятался не от жены, а от Варской.

РАДЕК. Варская беспартийная. Я объясню. Когда Каменев и Зиновьев не называли среди объектов покушения Председателя Совнаркома, люди пытались захватить власть, а Молотов представляет Советскую власть, — я это понял, что Каменев нарочно это сделал, чтобы бросить тень на Молотова и сказать, что Молотова они шадят. Так я понял и так объяснил. И когда появился подвал в "Правде", в котором был назван Молотов, я действительно сказал Бухарину: читай подвал.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Каменев и Зиновьев были ваши единомышленники?

РАДЕК. Но так как мы не сговаривались, как они будут

вести себя на процессе, я говорил: смотри какую линию они повели.

Конечно, у нас не было хронометра и не знаю сколько продолжался наш разговор. Но для того, чтобы сказать - Рютин меня не подвел, Марецкий не подвел, Цейтлин не подвел - для этого не надо полчаса времени. Двери я закрыл потому, что не хотел втягивать в это дело твою жену и близкого мне человека, преданного Советской власти, которого я учу хорошему отношению к Советской власти. Вообще для этого разговора не требовалось часа или полчаса, а то, что надо было сказать, мы сказали.

Е Ж О В. Вы все свои показания подтверждаете?

РАДЕК. Да, подтверждаю все показания, касающиеся меня и Бухарина. ✓

Е Ж О В. Значит Бухарин был осведомлен о всей деятельности террористического центра - о диверсионной, вредительской и террористической?

РАДЕК. Он не был осведомлен насчет существующих групп и не знал, что они делают по той простой причине, что я не знал террористических групп. Но из этого, что я не был осведомлен, вытекает то, что я был плохим руководителем и вовсе не вытекает того, что я не несу за это ответственности. Я не могу говорить конкретно о вредительской деятельности, потому что я знал от Пятакова о Муралове, ~~Преображенском~~, Глебове-Авилове. Что они делают конкретно, я тоже не знал. Фамилий этих Бухарину я тоже не называл.

Я ему не сказал о последней директиве Троцкого, потому что эту последнюю директиву я считал за ту бомбу, которая

взорвет всю эту историю. Мы сговорились, таким образом, что об этой директиве знали: Серебряков, Сокольников, я и Пятаков. Мы ни одному человеку не говорили о том, что погнали Пятакова на свидание с Троцким.

СТАЛИН. Вам стоило сохранить письмо Троцкого, чтобы доказать это.

РАДЕК. В первый момент по соображениям конспирации я пришел к выводу уничтожить его. После этого понял, что сделал большую глупость. Когда Пятаков мне сказал, что есть командировка, я ответил: поезжай.

Бухарин обо всем этом не знал, я ему только сказал: пришли новые острее директивы. Он меня спрашивает о чем? Тут я спохватился, что не надо было говорить и сказал о том, что настаивают на вредительстве. Он сказал, что это укусы мухи слона.

ВОРОШИЛОВ. Это не эффективно, как он сказал.

СТАЛИН. У вас в показаниях сказано о том, что он считает вредительство мало эффективным делом и что это есть укусы мухи слона.

РАДЕК. Да, да.

Е Ж О В. Вы все подтверждаете?

РАДЕК. Об установках на террор, о вредительстве, о линии уступок Германии, о контакте Троцкого с немцами Бухарин знал. Не знал только, что Троцкий заключил почти договор. Кто руководит организацией знал.

Е Ж О В. (Обращаясь к Бухарину). Вы отрицаете?

БУХАРИН. От слова до слова.

СТАЛИН. (Обращаясь к Бухарину). Ты не знал, что у

твоих людей из группы Слепкова народились террористические настроения?

БУХАРИН. Вы мне, тов. Сталин, сами показывали некоторые материалы, из которых я знал только относительно периферийных вещей..

СТАЛИН. Ты их воспитывал, ты их любил, они тебя учителем называли, с 1929 года вместе работали. Потом ты с ними порвал, но все-таки они бывали у тебя. Ты не мог не знать, что у них народились террористические установки.

БУХАРИН. Я этого абсолютно не знал.

СТАЛИН. Не верю. Ты не мог не знать.

Е Ж О В. Ты говорил, что пришел к Угланову, потому что боялся как бы он чегонибудь не сделал. Откуда эта боязнь?

БУХАРИН. Это дело разбиралось на одном из пленумов, кажется, в 1933 году. Тогда была новая волна затруднений. Угланов, это такой человек, который сегодня махал руками, а завтра скисал, плакал, впадал в истерику, страшно сенсительный и истеричный. Перед от'ездом в отпуск я сказал ему: не поддавайся на провокацию, нужно вместе с партией работать.

Е Ж О В. А кто тебе поручил это?

БУХАРИН. Я сам это сделал.

СТАЛИН. Но ты не мог не знать, что эти люди пошли по террористическому пути.

БУХАРИН. Я не помню, когда был у меня последний разговор со Слепковым, или вначале или в конце 1931 года. Но я отлично помню, что я ему говорил: нужно работать с партией. Он согласился со мной, но потом вся эта история с конференцией обнаружилась совершенно неожиданно.

СТАЛИН. Если ты сказал Слепкову или кому то другому, что нужно идти вместе с партией, то только потому, что они не хотели идти вместе с партией?

БУХАРИН. Я хочу Вам напомнить, что было три периода. Первый, когда была настоящая оппозиционная борьба с моей стороны. Второй, когда я думал спасти их для партии. Я постепенно подводил их к тому, чтобы они с партией слились. Ефим Цейтлин был человек, который говорил: нужно их совершенно бросить, они гиблые люди.

СТАЛИН. Ты должен был прийти в ЦК своей партии, если ты называешь себя сыном партии. Ты должен был в 1930-1931 г., самая крайняя уступка, в 1932 году прийти в ЦК и сказать, что эти люди пытаются идти против партии. Нечего тебе было их убеждать, что надо идти вместе с партией. Ты этого нам не сказал. Это одно.

И второе. Допустим, что Радек...

БУХАРИН. Он сочиняет.

СТАЛИН. ...допустим, что он не точен. Но две вещи вызывают большие сомнения.

Во-первых, ты не мог не знать, что твои люди, которых ты ковал, над которыми работал, не мог не знать, что они пошли против партии. Ты нам этого не сказал.

И, во-вторых, я не верю, что будто с платформой Рютина ты ничего общего не имеешь. Тем более не верю, что ты даже не удосужился прочитать эту платформу.

БУХАРИН. Это все очень просто объясняется. Начну со второго. Эту платформу, тов. Сталин, ты мне на дом не давал, я над ней не сидел, а ты вызвал меня и показал эту платформу,

закоперщиком, сказал, что нужно идти с партией. А потом они вырвались из рук. Это тов. Сталин сам говорил, это его термин — вырвались из рук.

СТАЛИН. Ты на Сталина так часто не ссылайся. Одна твоя ссылка уже провалилась, это когда ты говорил о разговоре на другой день после убийства Кирова.

БУХАРИН. Я не говорю, что я абсолютно точен. Каждый может забыть то, что происходило несколько лет назад. Я в прошлый раз напомнил Вячеслав Михайловичу про один мой доклад под его председательством, который происходил в Большом театре и о котором он забыл.